

заставить его подняться умомъ до высшихъ философскихъ вопросовъ и попытаться найти имъ рѣшеніе... А когда такой интересъ явится, будутъ у насъ и философскія ученія, и сильно отзовутся въ умахъ и сердцахъ!..» Пророческія слова сбываются. Кавелинъ указываетъ сейчасъ же и на тѣ ближайшіе поводы, которые могутъ вызвать у насъ свою философію. «...Есть, однако, и у насъ одинъ вопросъ, которому, кажется, суждено рано или поздно стать родоначальникомъ и источникомъ самостоятельнаго и народнаго философскаго мышленія. Такой вопросъ—наша *нравственная* личная несостоятельность и негодность, о которую сокрушаются у насъ всякія благія начинанія, откуда бы они ни шли. Едва ли можно указать въ цѣлой исторіи другой примѣръ подобнаго личнаго нравственнаго ничтожества, при такомъ величавомъ государственномъ развитіи»... Какъ бы въ pendant къ этому, въ «Задачахъ психологіи», говоря, что индивидуальная жизнь поблекла, лицо утратило свое нравственное достоинство, онъ же говоритъ: «въ безсодержательной жизни современнаго человѣка не найти уже теперь болѣе сюжета ни для трагедіи, ни для драмы; скоро, кажется, не будетъ и для водевиля!..» На эти-то *пропущенныя* нашей цивилизаціей стороны духовнаго человѣка, на неустроенность, запущенность, безсодержательность и неопрятность душевной жизни современнаго человѣка указываетъ постоянно и гр. Толстой,—указываетъ и какъ художникъ, и какъ мыслитель; какъ мыслитель, слѣдуя однако все же больше порядку своего непосредственнаго чувства (не уравновѣшеннаго у него такою же силой теоретической мысли), чѣмъ порядку спокойно-логическихъ доводовъ ума. Благодаря, вѣроятно, именно этому преобладанію въ немъ, какъ мыслителѣ, стороны чувства, страсти, ему не суждено бываетъ попадать, такъ сказать, въ центръ истины, откуда бы въ